

Сэмюэль Гей

АЗБУКА для внука

Сэмюэль Гей

**Азбука для внука. Душевно,
искренне о важном**

«Издательские решения»

Гей С.

Азбука для внука. Душевно, искренне о важном / С. Гей —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856207-5

«Азбука для внука» — это своеобразный путеводитель по жизни. Простые и важные истины пропущены через личный опыт автора в форме коротких новелл и притч. Разнообразные темы «Азбуки...»: Радость и Горе, Верность и Предательство, Поступок и Свобода — убеждают, что жизнь богаче, чем мы думаем. Автор сполна выполнил задачу художника: запечатлел то, чего не замечает никто. Эта небольшая, но емкая книга станет большим открытием не только для «внука», но и для каждого думающего и чувствующего читателя.

ISBN 978-5-44-856207-5

© Гей С.

© Издательские решения

Содержание

Бабушка	6
Путешествие	10
Время	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Азбука для внука Душевно, искренне о важном

Сэмюэль Гей

© Сэмюэль Гей, 2017

ISBN 978-5-4485-6207-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуй, внучок. Пишет тебе твой дедушка, который прожил большую интересную жизнь. Каждую большую интересную жизнь можно разложить на кусочки, и каждый кусочек обозначить какой-нибудь буквой. Получится Азбука Интересных Историй. С помощью такой азбуки можно раскладывать-складывать большую интересную жизнь, как из кубиков с буквами – слова. Тогда, может, тебе легче будет построить свою собственную интересную жизнь.

*Я знаю много секретов, удивительных историй и неожиданных сведений. Например, чтоб ты знал, я тоже внучок. Потому что любой человек, у которого были или есть бабушка с дедушкой – внучок. Только ты маленький внучок, а я большой, можно даже сказать старый внучок. И бабушки моей давно нет на свете, но я очень хорошо ее помню и люблю. И потому азбука моя начинается с буквы **Б**.*

Бабушка

Бабушек не выбирают. Они достаются по наследству от папы и мамы. Самые лучшие бабушки – в сказках. Они угощают внучат вкусными булочками и конфетками, утешают, когда их обидели или когда им больно. Бабушки всегда помогают в добрых делах, они все знают и ничего не боятся. Особенно хорошо, если бабушка знает много интересных историй... И если бабушка у тебя именно такая, то ты, малыш, считай живешь в сказке.

Мне повезло, у меня была волшебная бабушка. И это, не смотря на то, что мы жили не в сказочной стране, а на окраине маленького дымного города в старом деревянном двухэтажном домике на пять квартир. Воду мы брали в колонке на углу улицы, а печку зимой топили углем.

По вечерам, когда печь уже была истоплена, и в нашей крохотной каморке на первом этаже было тепло, и ужин был готов, мы ждали, когда придут с работы мама и папа. В сумерках я и бабушка садились перед открытой печной дверцей на низкие табуреточки и смотрели на красные угольки. От них шел жар и оранжевый свет, как будто где-то в глубине печки вставало солнце. И в этих его лучах бабушка вспоминала далекие времена, когда она была девочкой и жила в приюте. Там тоже топили печи, и дети вот так же смотрели на красные угольки и рассказывали страшные истории. А один мальчик все время пугал бабушку. Он говорил, что нагреет в печке докрасна свое игрушечное железное ружье и обожжет ей руки. Но на руках у бабушки не было следов от ожогов. Значит, мальчик тот был не злой, а только пугал...

Но мне бабушка не рассказывала никогда страшных историй, потому что страхов в нашем ветхом доме и без того хватало. Стоило мне остаться на какое-то время одному, и что-то начинало скрипеть, вздыхать, постукивать... А когда злая крыса из подполья начинала грызть доски пола, я цепенел от ужаса и забирался на стол.

Самое страшное наступало вечером, когда меня укладывали спать на высокую кровать в бабушкином закутке. Напротив изголовья было окно, завешенное белой занавеской. А на улице был фонарь, который делал занавеску светящимся экраном. И на этом экране появлялись страшные тени, которые хватили друг друга мохнатыми лапами в нешуточной борьбе. Тонкая занавеска отделяла от меня этих чудовищ, и я отчаянно звал на помощь взрослых. Напрасно объясняли мне, что это просто тени кустов сирени шевелятся на ветру, я видел Кощея Бессмертного, Бабу Ягу, людоедов и великанов.

Однажды вечером бабушка легла рядом со мной, взяла меня за руку, и мы стали смотреть на белую занавеску окна.

– Сейчас начнется смешное кино, – объявила бабушка. – Вот, видишь этого великана? Это добрый Герой, он идет освободить принцессу, которую захватили Баба Яга и Кощей. Сейчас он их задушит, победит и выпустит принцессу из темницы. И точно, Герой победил Нечисть, а принцессу я так и не увидел, потому что заснул. С тех пор я стал смотреть на экранезанавеске интересное кино...

Однажды летом бабушка сказала мне:

– Пока у меня есть силы, я хочу показать тебе море. Твой дедушка был моряк.

– Что такое море? – спросил я.

– Увидишь! – сказала бабушка, собрала чемодан и мы сели в поезд.

Всю дорогу я смотрел в окно. Видел леса, деревни, речки, поля, а моря не было.

– Море будет в конце пути, когда приедем, – сказала бабушка.

Но когда мы приехали, моря я не увидел, потому что была ночь. В чужом городе мы перебрались с одного вокзала на другой вокзал. На морской. Помню, там было очень много народа.

Бабушка подвела меня к берегу, где плескалась черная вода.

– Вот это – море, – сказала она.

Я так и не понял, что такое море. Зато мне очень понравился большой белый пароход, который приткнулся к причалу и сиял огнями. Я тянул бабушку туда:

– Поехали на пароходе, ты обещала...

– Билетов нет, – грустно сказала бабушка, и мы пошли искать место, где можно было подремать.

Людей было много, все пытались поспать – кто на лавках в зале ожидания, кто на садовых скамейках, кто даже на земле, на каких-то картонках... Мы нашли место возле закрытого буфета, потеснив на скамейке какого-то дядьку. Возле его ног стоял ящик, от которого пахло тухлой рыбой.

Через минуту бабушка воскликнула:

– О, Господи!

Мы выбрались во двор, на свежий воздух, в теплую южную ночь и прекрасно устроились в каких-то кустах на своем чемодане. Засыпая в бабушкиных объятиях, я подумал, что море не так просто увидеть.

И все же утром я его увидел: огромное, сверкающее в розовых лучах молодого солнца. Оно было розовым, как угольки в нашей печке. Я вдруг захотел домой, но промолчал. Бабушка покормила меня домашними пирожками и велела сидеть и никуда не ходить. А сама ушла доставать билеты на белый пароход. Ее долго не было, и я стал думать, что она меня потеряла и никак не найдет. Хотел пойти искать бабушку, но надо было караулить чемодан. А взять его с собой я не мог, он был слишком тяжелый. Я тихо плакал в кустах и очень сильно хотел домой.

К моей великой радости вернулась бабушка. Она была сердита и сказала только:

– Ну, хватит!..

Достала из чемодана красные коробочки и куда-то с ними ушла. Я знал, что в этих коробочках лежат удивительные блестящие штучки на цветастых ленточках, называется ордена. Их дают очень немногим людям, которые в чем-то отличились перед страной. У моей бабушки было три таких ордена, но она никогда их не надевала, даже по праздникам. И вот сейчас они вдруг ей понадобились.

Бабушка вернулась очень скоро. Она подхватила чемодан, другой рукой уцепила меня за руку и мы пошли садиться на белый пароход. Очень скоро он дал густой красивый гудок и плавно отошел от берега. Чтобы ему было легче выйти на морской простор, его толкал в белый борт маленький черный пароходик.

– Это буксирный катер, – объяснила бабушка, которая знала все. – Идем на бак!

И пояснила:

– Бак, это корма, а корма – хвост парохода.

Мы стояли на баке-корме и смотрели, как пенится вода за нашим пароходом, слушали, как кричат чайки над головой. Бабушка достала остатки наших пирожков и бросала кусочки в небо. Чайки ловили угощение на лету, и это было удивительно. Я хотел тоже покормить чаек, но бросить далеко не удавалось, хлеб падал в воду и я плакал.

– Все хорошо, – сказала бабушка. – В воде живут рыбы, они скажут тебе спасибо.

Море нравилось мне все больше и больше – оно было живое. Мы плыли на пароходе, останавливались в каких-то городах, потом опять плыли. А жили мы в каюте, где было все чисто и красиво, как нигде раньше я не видал.

Я плохо помню эту поездку на море. В памяти остались отрывки нашего странствия.

Где-то на пляже мы еле-еле нашли деревянную лежанку, чтобы загорать. А потом, когда пошли купаться в море, лежанку нашу заняла толстая тетка и сказала, что эта лежанка ее. Пришлось нам устроиться на камнях.

А еще мы фотографировались на память. Зашли в фотографию, и меня там поразила великолепная картина: во всю стену нарисованы горы голубые, далекие с белыми снежными вершинами. А перед картиной стояла лошадь. Почти как настоящая. «Чучело», – объяснила бабушка.

Меня посадили на лошадь, надели на голову мохнатую шапку, повесили на пояс настоящий кинжал. Я так и остался на фотографии на вечную память: верхом на коне, в папаше и с кинжалом. А бабушка почему-то фотографироваться не стала.

А потом было удивительное происшествие. Мы в каком-то городе оставили наш пароход, и пересели в маленький самолет. В нем помещалось двенадцать человек: мы с бабушкой, какие-то спортсмены с большой хрустальной чашей-призом. «Кубок», – сказала бабушка. И еще с нами в самолете оказался... тот самый дядька с протухшим ящиком.

Мы быстро взлетели и стали качаться над землей, как на качелях. Да еще запах тухлой рыбы из ящика... Спортсменам стало плохо. Их рвало, и они передавали друг другу хрустальную вазу-кубок, которую им вручили как победителям. Я тоже начал глотать соленую слюну, но бабушка мне строго приказала:

– Держись! Слушай шум мотора. Слышишь – хор поет.

Я прислушался – точно, хор поет. Да так слаженно, как в нашем клубе железнодорожников. Мне стало почти хорошо. И мы благополучно завершили полет, сели опять в поезд и поехали домой.

Вот так я побывал на море. Теперь я много знал о нем. Знал, что оно большое и теплое, что в нем плавают медузы и дельфины. Там еще есть чудесный белый пароход, куда очень трудно попасть. И солнечный пляж, где очень непросто найти хорошее место. И всегда в неподходящий момент появляется дядька с тухлым ящиком, портит людям жизнь, и ничего с ним не сделаешь, потому что у него всегда есть билет...

Бабушка хотела показать мне море, а подарила удивительное путешествие, которое определило всю мою дальнейшую жизнь. Я очень рано понял, что самая славная вещь на свете – это путешествие.

Вот поэтому следующая буква нашей Азбуки будет «П».

Путешествие

Буква П похожа на ворота. Как будто вышел ты из дома, простился с родными и прошел через ворота в дальний путь. Путешествовать.

Настоящее путешествие получается тогда, когда с тобой что-нибудь приключается. Если приключения нет, это не путешествие, а так, поездка, экскурсия... Почему-то многие понимают буквально: путешествовать, значит, отправляться в дальний путь, куда-то ехать, лететь, плыть... Не обязательно так.

У меня было в жизни одно славное путешествие. Очень короткое и яркое...

Жил я в то время в большом городе на глухой окраине в сером невзрачном четырехэтажном доме. И рядом были такие же серые невзрачные дома. Все вместе это называлось «рабочая окраина». Забытое, никчемное место. Здесь не было ничего красивого: ни площади, ни парка, даже захудалого сквера не было.

Чтобы попасть в центр города, приходилось ехать в тесном автобусе четырнадцатого маршрута сорок минут. Это был единственный маршрут, и ходил автобус через двадцать минут. Чтобы доехать до конечной «Центральной площади» надо было протрястись девятнадцать остановок. Пешком до центра города дойти было немыслимо. Однажды, когда не удалось сесть в переполненный автобус, я сгоряча попробовал это сделать. Долго шел мимо глухих железобетонных заборов, каких-то складов, гаражей. Люди здесь вообще пешком не ходили, зато вольготно чувствовали себя самые неожиданные существа. Дорогу мне перебежала куница, а на старой липе замерла изваянием серая сова. Я не стал дожидаться, когда мне встретится волк или медведь, и на очередной остановке втиснулся в спасительный автобус четырнадцатого маршрута.

В общем, глухое местечко выпало мне для жизни в ту пору. Я ездил по утрам на работу, вечером возвращался домой и читал разные книжки про красивую жизнь, про невиданные страны, которых никогда мне не видать, потому что мой автобус четырнадцатого маршрута туда меня не довезет никогда.

Единственное, что украшало здешнюю жизнь, был авиационно-спортивный клуб, расположенный неподалеку. По воскресеньям со всего города приезжали сюда спортсмены, чтобы прыгать с парашютом и летать на спортивных самолетах.

Каждое воскресенье я ждал как праздник. Когда в небе раздавалось знакомое стрекотание, я выходил из дома и смотрел, как четырехкрылый АН-2 по спирали набирает высоту и потом из него просыпается разноцветная горсть парашютистов. Они не спешат опускаться вниз. Их невесомые купола, как крылья, совершают кружение в воздушных потоках, и маленькие человеческие фигурки, повисшие на стропах, летают с помощью ветра и куска шелка.

Пока отважные парашютисты парят в вышине, самолет возвращается на аэродром, принимает новую команду на борт, а тем временем счастливые воздухоплаватели приземляются на пустыре и подбирают шелк красных, синих, розовых, белых парашютов как волшебные цветы, которые чудесным образом спустили их с небес на землю.

Я никогда бы не отважился броситься из самолета вниз, доверясь только шелковому полотнищу по имени парашют, упакованному в мешке за спиной. А вот в спортивном самолете очень хотелось полетать.

Когда появлялся в небе маленький самолетик с красными крыльями и начинал свои безумные танцы, я забывал про все на свете. Такое редко бывает, когда забываешь про все на свете.

С радостным воем, крылатая машина набирает высоту. При этом она умудряется задирать нос все круче и круче, пока не переворачивается вверх колесами. И при этом описывает петлю и снова возвращается в горизонтальный полет. Эта фигура высшего пилотажа называ-

ется «мертвая петля». В парке культуры и отдыха есть такой аттракцион. Потом самолет делает другие пируэты: вращается вокруг оси, летает вверх колесами, забирается за облака и медленно кружит оттуда по спирали, как падает семечко американского клена. Я догадался, что эта фигура называется «штопор».

Такие небесные концерты по воскресеньям скрашивали мою серую жизнь. Но однажды весной я остро почувствовал, что только смотреть, как парят в небесах другие, мне уже мало. Надо лететь самому! И воскресным утром я пришел на спортивный аэродром. В штабном вагончике я сказал, что работаю в газете и мне надо написать репортаж про спортивный пилотаж. Молодые веселые летчики охотно согласились покатавать меня в спортивном самолете в качестве пассажира. Один из них, в коричневой кожаной куртке, повел меня на старт. По дороге я объяснил ему, что хочу не просто прокатиться по воздуху, а испытать на себе фигуры высшего пилотажа.

Пилот рассмеялся и сказал, что недавно вот так же с ним летал профессиональный летчик, командир большого воздушного лайнера, и обделал вермишелью всю кабину.

Я признался, что вермишель сегодня не ел. Пилоту понравился мой ответ. Он усадил меня на место дублера, натянул мне на голову кожаный шлем и запечатал стеклянным колпаком. Сам забрался вперед и сделал то же самое.

– Как себя чувствуешь? – услышал я в наушниках, вмонтированных в шлем.

– Хорошо! – ответил я.

И мы взлетели. Я даже не заметил, как это произошло. Только вдруг все сразу стало маленьким и одновременно большим. Вместо домов я увидел крохотные серые кубики, какие-то склады и тоненькие ниточки улиц и переулков. Вот и все, что осталось от микрорайона, где я жил. Зато открылись взгляду дали: зеленые поля, темные леса и голубая могучая река, вдоль которой растянулся мой город. Как будто раскрашенную карту развернули вниз. А все остальное – небо! И мы в нем кружим медленно и витиевато, как бабочка.

– Давай «петлю»! – заорал я в микрофон.

– Даю! – отозвался пилот.

И самолет пополз вверх, будто по отвесной стене. Мотор натужно ревел, и я раскачивался, чтобы помочь ему. Вдруг тело мое стало недвижимым, как будто меня изваяли из мрамора. Я почувствовал невероятную тяжесть, щеки мои поплыли куда-то вниз. Я чувствовал, что превращаюсь в грушу. Самолет отчаянно завыл и как будто остановился в воздухе. Я на секунду подумал, что сейчас мотор заглохнет, и мы камнем полетим вниз. Но случилось более худшее – мы полетели кверху колесами. Теперь голова моя болталась внизу, и я не мог сообразить, какой же фрукт я сейчас напоминаю. Я висел на ремнях в положении «вверх тормашками», но не чувствовал неуютно. Мне было радостно и весело, как на аттракционе в парке. Такого в привычной жизни не бывает.

Мы благополучно вернулись в режим обычного полета. Пилот обернулся, я показал ему большой палец и кивнул, как бы разрешая сделать очередную фигуру. И тут пошла такая пляска, что я забыл, где я и кто я. Я просто летал, как птица – боком, резко снижаясь и вспарывая ввысь, плавно кружа и замирая на миг. Мне казалось, что я так все время и жил – в полете.

Мы проделали много разных фигур, не было только одной – «штопора». И я крикнул в микрофон это слово.

Послушный пилот набрал нужную высоту, и мы полетели оттуда сухим листом, описывая широкие плавные круги. Это было чувство настоящего счастья, которого, сейчас я это точно знаю, нет на земле.

Мы кружили в каком-то пьяном хороводе, и земля, казалось, навечно осталась недостижимой внизу. Я подумал, что если бы управлял самолетом, у меня бы не хватило воли в нужный момент выровнять самолет, чтобы благополучно совершить посадку. В состоянии эйфории плавного кружения я бы, наверное, врезался в землю.

Однако мы благополучно вернулись на аэродром. Я выбрался из кабины, еще не осознавая до конца какое грандиозное путешествие совершил возле своего дома. Пожал руку пилоту и сказал то, что думал:

– Я завидую тебе!

А он погладил крохотный свой самолет, сверкнул на меня голубыми глазами и сказал от души:

– Я его бабочкой называю...

С тем мы и расстались.

Теперь, побывав гостем в небе, я не мог жить прежней жизнью рабочей окраины. Я взял на работе расчет, съехал с квартиры и покинул тот город навсегда.

Я понятия не имел, где обрету новую пристань, но твердо знал, что путешествие мое продолжается...

Время

Время – это жизнь. Как проходит твоё время, так и живешь.

Самое привычное, когда время идет плавно и размерено, как стрелка по циферблату: пробуждение – завтрак – дорога на работу или учебу – исполнение необходимых обязанностей – возвращение домой – домашние заботы и радости – вечерний отдых – сон...

Но кто-то придумал такую «легенду», что вот обязательно в жизни надо успеть к «своему» поезду! В смысле, не пропустить что-то главное, успеть совершить какой-то значимый поступок: покорить Эверест, стать выдающимся ученым, музыкантом, писателем, артистом... Можно ведь и просто жизнь прожить: научиться что-то хорошо делать, приносить людям пользу, быть добрым, отзывчивым, справедливым и честным, любить дорогих тебе людей...

Живи, и радуйся, и черт с ним, с этим поездом, который ушел или уйдет без тебя.

Так я думал и жил, пока не случилась со мной забавная история, связанная как раз с поездом...

Привычный мой взгляд на Время поменяло одно происшествие, которое случилось со мною воскресным днем, когда я шел из своей деревни на электричку, чтобы уехать в город...

Я прошел мост через реку, вышел к полю, по которому шла тропа к станции. Она виднелась издали. Меня насторожило, что к станции не тянутся дачники, и все люди уже там, маячат цветными точками. Это была последняя электричка, нужно было торопиться.

Я заволновался и прибавил шаг. Посмотрел в сторону предыдущей станции, она в трех километрах от нашей, и увидел там красное рыло электрички. Прогон между станциями она проходит примерно за 3—4 минуты. Мне предстояло за то же время преодолеть метров восемьсот. Невероятная задача. Но перед этим я съел салат из помидоров и чувствовал себя в прекрасной форме: щеки мои пунцово пылали, кровь бодро бегала по моим артериям и венам. И я побежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.